РАИСА БЛОХ
МИХАИЛ ГОРЛИН

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

РИФМА 1959

Издательство имени Ирины Яссен

РАИСА БЛОХ

МИХАИЛ ГОРЛИН

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

РИФМА 1959

Издательство имени Ирины Яссен

РАИСА БЛОХ

Из сборника
«МОЙ ГОРОД»

Мне был отчизной город белый,
Где ветер треплет вымпела,
И оттого я звонко пела
И беззаботная жила.

Мне был дорогой снег широкий,
Светлей и тише тишины,
И оттого я знала сроки
Ручьев, и солнца, и весны.

Мне был звездой корабль червонный
На тонком шпиле вознесен,
Плывущий в синий, многозвонный,
Неугасимый небосклон, —

И оттого куда б ни шла я,
Который день, который год,
Звезда нетленно-золотая
Передо мною восстает.

1926

Сегодня солнце желтое как мед.
Сегодня птицы в небесах поют.
О, светлых дум безгрешный водомет,
Дневных лучей сверкающий приют!

Пусть вихрь морской упорен и жесток,
И в белый панцырь заключен гранит, —
Из года в год струящийся поток
В моей душе немолчно говорит.

Я теперь как девочка играю,
И с тобой мне весело итти
По родному северному краю,
Где легли зеленые пути.

Ты уйдешь, а я роптать не буду,
Только громко, громко запою
О покорности великой чуду,
О великой радости в раю.

И поток времен неторопливый
Принесет мне в душу забытье.
Будут люди звать меня счастливой
За мое бездумное житье.

А когда откроется могила,
И заглянет смерть через плечо,
Я скажу, что я тебя любила,
Безнадежно, нежно, горячо.

1920

Нам не долго странствовать болотами
Мимо пней по ледяным извилинам,
Где открыт простор за поворотами
Только ночью желтоглазым филинам.

Нам не долго пробираться по лесу,
Не найдя покинутое логово,
И брести к серебряному полюсу
Во владенья волка длинноногого.

Все светлей за дальними туманами
Звезды катятся стезями вольными
Над необозримыми полянами,
Над деревьями широкоствольными.

Все слышней чрез пустыри окрестные
Голоса звучат червонным золотом,
А на высях плотники небесные,
Строя кельи, ударяют молотом.

И не страшно отойти в обители,
Где покои странным уготованы,
И стоят у входа небожители,
Молодой березой коронованы.

1920

ВОРОБЕЙ

Все мы птицы, все певуньи,
Только разные песни у нас,
И одна поет в новолунье,
А другая в рассветный час.

И одна к синеве и славе
Молодой стремит полет,
А другая в ржавой канаве
Собирает, что Бог пошлет.

А я маленький воробей,
На заборе нас немало есть.
Из пращи меня не убей,
Дай допеть мою дикую весть, —

Все о лужах пути Господня,
О зерне заоблачных стран
И о том, что мне сегодня
Безголосому голос дан.

Всякому в мире свое дано.
Всякому в мире свой удел:
Камень зарылся в морское дно,
Сизый орел высоко взлетел.

А я не орел и не камень я,
Течет и проходит жизнь моя,
Пустой ручей, а мой дух ничей,
И брошен он Богом в царство лучей.

В тихом поле сердцу отрадно,
Ходят рыбы в речке прохладной,
Смотрит небо в желтые нивы,
Колос к колосу льнет ленивый,
А тому, кто один у Бога,
Много дорог и золота много.

1923

Как мне легко вспоминать об этом,
О том, что будет со мной в конце,
Когда я прощусь с золотистым светом,
Когда я утихну в моем Отце.

Ни радугой чистой, ни звездою
Не станет в мире душа моя.
Я только землею лицо покрою,
Я только забуду, что это я.

И будут плыть небеса, пылая,
И деревья шуметь и трава расти,
И ведь только затем на земле жила я,
Чтоб ничем не быть и во всем пройти.

1924

Когда одной осталась,
И стало мне темно,
Ко мне пришла усталость
В открытое окно.

Широкою волною
Упала мне на грудь.
« Я всю тебя покрою,
Не стоит... позабудь.

Мне снилось — о, если бы было
То, что мне Бог открыл! —
Мне снилась моя могила:
Над нею птица кружила
Серпами черными крыл.

Мне снились дальние звоны
— Откуда они, скажи? —
И жаркого неба склоны
Стекали на лес зеленый,
На желтое поле ржи.

И было мне так спокойно
Так сладко было мне
Под этой рекою знойной,
Под этой волною хвойной
Глубоко лежать на дне.

1926 Июль

Над домами дым и глина,
А на улицах вода.
О, дождливого Берлина
Ненавистная страда!

Вот идут, идут рядами,
Не поймешь, не знаешь кто,
С глянцевитыми зонтами,
В прорезиненных пальто.

И какое же им дело
До зеленых зеленей,
До дороги почернелой,
Да что нынче прилетела
Птица радости моей.

1927 Март

Из сборника
«ТИШИНА»

О тишина, тишина,
Ты, что всегда слышна,
Ты, чей не молкнет зов
В грохоте городов,
В скрипе железных дней,
Ты, что всего сильней!

Голос разбитых льдин,
О глубина глубин,
Озеро темных вод,
Сердце тобой живет.

Растеряла по дорогам годы,
Отпустила по ветру друзей.
Что ж осталось от моей свободы,
Что осталось мне от жизни всей?

Только солнца дым неуловимый,
Что к траве сияющей приник,
Только сердца стук неутомимый —
Тишину внушающий язык.

В гулкий час предутренних молений
Опустись тихонько на колени,
Не зови, не жди, не прекословь.

Помолись, чтобы тебя забыли,
Как забыли тех, что прежде были,
Как забудут всех, что будут вновь.

Апрель 1928

Так это снова не мои пути.
Другим — и блеск, и зелень, и прохлада.
Весенним днем мне не о ком грустить
И поджидать мне никого не надо.

Пойду одна в кудрявый буйный сад
Послушать птиц: они неутомимы,
И говорят о том, что все любимы,
Что все хранимы Богом, говорят.

Оттого что на улицах звон и огни и пакеты,
Оттого что на небе морозная кружится муть,
Я забыла грустить, я забыла и кто ты и где ты,
И куда этот гладкий, укатанный шинами путь.

Черных елок ряды, а за ними лучистые двери,
Золоченые ангелы пляшут за темным окном.
От рассыпанных хвой, от рождественских детских поверий
Веет льдом и смолой, будто здесь не чужбина, а дом.

Вот большими шагами, укутано в шубу большую,
Приближается счастье, мое ли, чужое ли, чье?..
Я сложила сегодня веселую песню такую,
Чтобы славить мороз и пустое, простое житье.

Берлин Декабрь 1928

Я не пишу и не творю,
А только тихо и покорно
Плыву в горячую зарю,
Что мне открылась ночью черной.

И разве то моя вина,
Что ежедневно, ежечасно
Я, Божий колокол напрасный,
Звенеть и петь осуждена.

Весною душа устала,
Ей каждая боль больней,
И даже ребенок малый
Приказывать может ей.

И только одно покорно,
Безвольно твердит она,
Как птица на ветке черной,
Которая петь должна.

Март 1933

Господи, умереть бы сразу,
Никогда не поднять бы век.
Не увидеть небес алмаза,
Голубых и горячих рек.
Господи, потонуть бы сразу,
Позабыть бы себя навек.

Долго ли я скитаться буду,
Раздавать, расточаться всюду
И от скудости умирать?

Ты пошли мне совсем простое
Золотое счастье земное,
Или дай мне уснуть опять.

1931

Над моей душой, огневой и дикой,
Над моей слепой, ненасытной жаждой
Ты простер свой плащ, где текут туманы,
Голубой твой плащ, где пасутся звезды.

Научи меня, о Владыка, песням,
Самым чистым, тем, что не спеть и птицам,
Чтобы стал лучом твоего веселья
Твой усталый раб, твой слуга бездомный.

1934

Пусть небо черное грозит дождем,
Я солнце горное видала в нем.

Пусть в блестках инея земля тверда,
В лагуне синяя тепла вода,

И чайки носятся, и даль чиста,
И так и просятся к устам уста.

Благословенная моя тоска,
Огонь задумчивый, что сладко жжет,
Я привезла тебя издалека,
Я сохраню тебя от всех невзгод.

Лишь всплеск короткий, и тихо будет:
Ни зной, ни холод, ни свет, ни мгла,
И позабудут живые люди,
Что вот жила я, и вот ушла, —

И только чаек шальная стая,
Водою синей омыв крыла,
В ветрах напишет, кого ждала я,
Кого любила, кого звала.

1930

Налетает ветер длиннокрылый,
Заметает по дорогам след,
Чтоб не помнить нам того, что было,
Не искать, чего уж больше нет;

И струится небо голубое,
Острова седые унося,
Чтоб нам жить в безоблачном покое,
Ни о чем у Бога не прося.

Ну а сердце, сердце не умеет,
Неуклонно темное зовет.
Для него напрасно ветер веет,
Истекает солнцем небосвод.
Ничего оно не разумеет,
Об одном твердит который год.

1931

Радость моя, любимый мой!
Черной меня затопило тьмой.
В черной пустыне одна тону,
Сердце мое идет ко дну.

Знаю, далеко, в твоем краю
Тучи летят, и птицы поют.
Только и светит сквозь ночь мою
Дальнее солнце в твоем краю.

Август 1931

Нож железный поверни,
Что вонзился в сердце мне.
Облакам меня верни,
Вышине и тишине.

Пусть растает жизнь моя
С белой пеною небес,
Пусть навек исчезну я,
Как вчерашний день исчез.

Смоет солнечная мгла
Каждый час и каждый миг,
Чтоб и память не нашла,
Чтоб и голос не настиг.

Август 1931

Я всем простила, всем, и тем, что здесь томят,
И тем, что за морем, я всем теперь простила.
Я душу по ветру на волю отпустила;
Лети, ненужная, не прилетай назад.

Давно ль, мучительным затянута узлом,
Она в бессилии рвалась и задыхалась.
И вот минула боль, и расточилась жалость,
И грань утрачена между добром и злом.

Возьми же песнь мою, пустая синева!
Мой голос затопи огромными волнами!
Пусть в пламени твоем мое затихнет пламя,
И эти горькие слова.

1932

Я научилась лжи последней
И искушенью и огню.
Я детства ласковые бредни
Сегодня все похороню.

Под этим кипарисом смуглым,
Где птицы прячутся шурша,
Над этим куполом округлым,
Что вырастает не спеша,

Над этим городом равнинным,
Укрытым в дымное тепло,
Куда меня томленьем длинным,
Желаньем долгим привело.

Кроткой весной осенней,
В час, когда гаснут тучи,
Мимо деревьев серых,
Вдоль отсырелых стен,
Тонким дыша туманом,
Глядя в слепые лица,
Слыша гудки и звоны,
Думая о другом...

Кто у меня отнимет
Вечера блеск павлиний,
Что омывает мягко
Шелковая вода,
Теплый слоистый камень,
И кипарисный запах,
И тишину, и радость
Жестких и нежных губ?

Ноябрь 1932

Я могу за стол тихонько сесть,
Книгу взять и думать и молиться.
Захочу, и я припомню лица
Всех друзей, какие в мире есть.

Только губ любимых не вернет
Ни мольба, ни память, ни наука,
Господи, за что такая мука,
Этот долгий, этот сладкий гнет?

1933

Михаилу Горлину

Шла тихонько по серой улице
Мимо распушенных деревьев,
С надеждой глядя на нежные
Жемчужные фонари.
Было небо сизо-розовым,
А тучи голубыми.
Петушок над острою церковью
На прозрачном чернел кресте.

Шла и думала: как утешиться
Этой свежестью, этой радостью?
Счастлив тот, для кого крылатый
Этот вечер дороже всех.
И еще: зачем на свете
Безучастным томиться призракам,
Если даже в деревьях сонных
Изумрудная бродит кровь.

11 мая 1929

Когда тебя я вижу,
Я делаюсь добрей,
И солнце светит ближе,
И небо голубей,

И я прощать готова,
И даже боль легка,
И ласковое слово
Слетает с языка,

И сколько есть на свете
Благословений всех —
На детские, на эти
Глаза, где блещет смех.

Август 1930

Я тебя люблю, как бабушка внученка,
О твоей любви не спорю, не томлюсь,
Но лишь стоит мне припомнить голос звонкий,
Легче тишина и одолимей грусть.

Знаешь — я стара, хоть радовалась мало.
Знаешь — я одна, хоть с многими была.
Столько на пути я ласки растеряла,
Что уж ласка мне чужая не мила.

Только вот порой припомню голос звонкий,
Молодость твою и твой веселый взгляд.
Я тебя люблю, как бабушка внученка,
За свою любовь не требуя наград.

Принесла случайная молва
Милые ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.

Вас не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не итти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.

Это было, было и прошло,
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

Февраль 1932

Какое должно быть счастье
Итти по улицам влажным,
И каждый камень и каждый
Изъеденный ветром дом
Встречать, узнавать и гладить
Рассеянным, мягким взглядом,
Затем, что и я отсюда,
И все это здесь мое.

И слушать глухое пенье,
Что сердце мое тревожит,
И знать, что оно похоже
На пенье сердец других,
И знать по очкам прохожих,
Какие в них скрыты думы,
Читать по губам угрюмым,
Какое в них слово спит.

Март 1932

Мне бы снова подойти к окну,
Мне бы только заглянуть во двор,
Где гуляет кошка по бревну,
Где дрова вязанками и сор.

Мне бы слушать медленную речь
Про клеста, про рыбок золотых.
Няня, няня, сердцу не сберечь
Благодати мирных слов твоих!

Унесло меня за те моря,
Где заря скрывается горя.
Там, где спать ложатся облака,
Флагом треплется моя тоска.

1932

О том, как в доме большом
Тихонько жилось и чинно,
О красном ковре в гостиной,
О желтых звездах на нем,

О небе, что за окном
Над ржавой снежит флюгаркой,
О кухне, нагретой жарко,
Где можно играть с котом,

И много еще о чем
Я вспомнила, засыпая,
Как если бы мгла слепая
До дна процвела лучом.

1932

Из сборника «ЗАВЕТЫ»

Живым служи, о мертвых вспоминай
И радуйся лучам и будь послушна.
Не ложный свет тебе явил Синай,
Не сложный путь среди пустыни душной.

Квадратных плит простые письмена,
Храни, верна, до дня успокоенья,
И знай, опять начнутся времена
Для новых душ и нового строенья.

Как мне вернуться к вам, святые имена,
К вам буквы черные — разрушенные храмы?
О, как беспомощно вам кровь моя верна,
Как чует трепетно, как слушает она
Один и тот же зов, веками тот же самый.

Я с вами быть хочу, как те, кого уж нет,
Прилежно повторять, как повторяли дети,
Квадратные слова, простейший ваш завет,
И знать, что ширится неистребимый свет,
И льется в сумерки тепло тысячелетий.

Сентябрь 1932

Нет, не замкнута жизнь огромным Божеским чудом.
Круг прорывая забот, щедрый врывается зов.
Золото дальних высот, тревожный ветер оттуда,
Все разрешение дней, все оправдание слов.

Только этого жди, и если стар ты и болен
И тяжелее свинца замерло сердце в груди,
Громче всех голосов со всех земных колоколен,
Самого света светлей, о, только этого жди.

Быстрее туч уходит жизнь земная,
Быстрее птиц проносятся года,
А мы живем, не помня и не зная,
И строим дом, как будто навсегда.

О, жаркий воздух странствия земного,
О, свет, о, блеск, о, каждый пыльный час,
Мне жалко вас: вы не вернетесь снова,
С иной земли я оглянусь на вас.

Чистота, чистота и звон
На высотах Твоих, о, Боже,
И тобой этот мир рожден,
Этот мир, на тебя похожий.

Отчего же весенним днем
Самым стройным и самым ясным,
Загорается кровь огнем
И безудержным и напрасным,

И сильнее, чем голос вод,
И слышнее, чем птиц служенье,
Этот зов, что меня ведет
В немоту и в уничтоженье.

Голубь в руке —
Сердце мое:
Стонет оно
Сумрачным днем,
Бьется оно
Теплым крылом,
Рвется к тебе,
Родина.

Нет ему сна,
Нет ему дна,
Только в тумане
Ветка одна:
Ты ли близка,
Родина?

Черная ветка,
Жалобный лес,
Воздух колючий
До небес.
Даже если твой свет исчез —
Верность тебе,
Родина.

Когда душа расширится как храм,
Построится торжественным покоем,
Куда глядеть испуганным глазам,
В какую щель мы наше счастье скроем?

И голос там, и звон, и тишина,
И праздника сияющая чаша,
А наша мгла до дна запылена,
И до конца открыта сирость наша.

Приготовилась душа для песен,
Настежь вся, и ждет и не дождется,
Что огромен, светел и воскресен
Новый звон по мраку разольется.

Уж она ли не поймет, внимая,
Каждый взгляд и каждое сниженье,
Уж она ли не найдет, немая,
Правильное в слове отраженье?

ФОРТУНАТ

Pange lingua...

Братским голосом из глубины времен,
Братским голосом по тишине ударь,
Чтобы царственный перекатился звон,
Чтобы дарственный позолотился ларь.

Так приказано от сотворенья дней,
Чтоб расплавленный мы берегли металл,
Чтоб раздавленный еще звенел сильней,
Божий колокол из запустенья скал.

К РИМУ

(Стихи X-го века)

Консулов помнящий Рим, твоих не счислить триумфов;
Звон похоронный зачем, консулов помнящий Рим?
Что удручает тебя, счастливый, слава вселенной,
Что омрачает твой взор, что удручает тебя?
Радуйся, мира отец, победный факел затепли,
Вновь ожидая наград, радуйся, мира отец.
Праведной крови ценой твои платили потомки,
Ныне же ты воскрешен праведной крови ценой.
Снова приходит к тебе в лесах скрывавшийся пахарь,
Бросивший ловлю рыбак снова приходит к тебе.
Пыль бесконечных дорог его пылила одежды, —
Свежей водою умой пыль бесконечных дорог.
Павел, твой пастырь, овец домой приводит омытых,
Прямо в овчарню ведет Павел, твой пастырь, овец.

О НИЧТОЖЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

(Из Якопоне да Тоди)

Человек, подумай ныне,
В чем залог твоей гордыни,
Человек, понять не худо,
Ты — зачем и ты — откуда.
И куда веленьем чуда
Возвратишься ты опять.
Смертным семенем зачатый,
Тленьем мерзостным объятый,
Ну, какой-же ты богатый! —
Нечем, кажется, блистать.
Ты из скверны зародился,
Среди плача появился,
С нищетою породнился
И землею должен стать.
Ты пришел сюда безродным,
Нищим, голым и голодным,
Гостем всюду неугодным:
Песней первою был плач.
Гостем стал земного края,
Всем заботы доставляя,
Но тебе, благословляя,
Дал Спаситель благодать.
Как греха ты не заметил?
Сам Господь явился светел,

Ты же злобою ответил,
Где ж причина ликовать?
Ходишь пышно разодетым,
Все спасенье видишь в этом,
Рад отдаться всем суетам,
Чтобы знатность показать.
Скот руно дает густое,
Колос семя золотое, —
Ты же мыслишь все пустое:
Как гордыне угождать.
Оглянися умным оком:
Вот на дереве высоком
Много яблок, сладким соком
Любо жажду утолять.
С виноградом сколько дела:
Гроздь налиться не успела,
Надо снять ее умело,
Чтоб вино заготовлять.
Человек, к тебе пристало
Всякой мерзости не мало,
И у малых блох есть жало,
Что тебе мешают спать.
Любишь ты свои владенья,
Так прими же в разуменье,
Что из этого именья
Ты в могилу можешь взять.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1942-43

Такой любви беспомощной и жаркой
Родители не знали никогда,
Лишь нам остались горькие подарки
Отчаянья, разлуки и труда.

Но и в разлуках мы неразлучимы,
И в муках мы друг другу отданы,
Нас не страшат ни ледяные зимы,
Ни голубое тление весны.

И знаем мы, что стоят наши встречи,
О, все другое марево и дым:
И сердца стук и звук родимой речи,
Произнесенной голосом родным.

Не прекословь, высок и светел
Господен рок,
Господь лучом тебя отметил
Средь всех дорог,

Лучом пронзительным, жестоким
И золотым,
Чтоб стали все земные сроки,
Как прах и дым,

Чтоб стали все земные звуки,
Как тишина,
И даже горе, и даже муки,
Как тени сна.

Смотри, бессилен и бессловесен
Ты прежде был,
А ныне полон чудес и песен
И звона крыл.

Я иду зелеными лугами,
Я твержу весенние слова,
И небес лазоревое пламя
Раздувает ветер торжества.

Я ли это, брошенная всеми,
Желтый лист в цветении ветвей,
Спелый колос, потерявший семя,
Голос потерявший соловей.

И моя ли это песня льется,
Отдается звоном в пустоту,
И мое ли это сердце бьется
И надежду ловит налету.

Небо благостное и жарок
Запах трав и деревьев сонных,
Небо праведное — подарок
Для усталых и огорченных,

Свод торжественный, купол полный
Птичьим щебетом, Божьим звоном,
И горячего ветра волны
По кудрявым сбегают склонам

До реки, до травы высокой,
Незабудковой, бирюзовой,
Где над девочкой синеокой
Смерть насыпала холмик новый.

Я здесь, я здесь, ты слышишь, милый,
В долине на зеленом дне,
Меня холмами заслонило,
Меня забыли в глубине.

Я здесь живу себе чужая,
Позабывая жизнь мою,
Былое счастье провожая,
Я даже слез о нем не лью.

Трава высокая одела
Утесов сонные бока,
Из бирюзового предела
На них спустились облака.

Заволокло, запорошило
Дремучей тишью жизнь мою.
Я здесь, я здесь, ты слышишь, милый,
Я вместе с птицами пою.

Полная чаша света,
Как изумруд весна,
Право, долина эта
Радостной быть должна.

Гор несуровых главы
Теплый туман облек,
Среди травы кудрявой
Чистый бежит поток.

Тихо кругом и сонно,
Что же который раз
Сердце неугомонно
Страшный твердит рассказ,

Страшный, неумолимый,
Неодолимый бред,
Что все прошло уже мимо,
Что ничего уже нет.

Далеко нечего итти,
Куда итти далеко?
Все возвращаются пути
К единому истоку.

Лишь остается синева,
Трава и ветер вольный
И безучастные слова
О том, как было больно.

Постоянство ваше, горы,
Ваши круглые чела,
Тихий заговор, который
Вяжет с травами пчела,
Знамя розовое ночи,
Знамя палевое тьмы,
Все залог, что мир наш прочен,
Что непрочны только мы.

Только мы проходим мимо,
Не вернемся никогда,
Только мы неповторимы,
Как падучая звезда.
Горькой памятью творима
Радость каждая опять
И любви неуловимой
Больно узы порывать.

МИХАИЛ ГОРЛИН

НАВОДНЕНИЕ

Огромными, влажными, широкими кусками
Ломилось в квартиры взбесившееся море;
Разбивая шкафы, кровати, посуду,
Валом валило, гудело, шло:

Вещи внезапно решили, что они рыбы
И кинулись навстречу мутным волнам.
В путаницу труб, этажей и туманов
Ураганом, смерчом бил столп воды.

Бурою грязью оползало небо.
Агитаторы ярились. Биржа упала.
Но уже полицмейстер снаряжал отряд
Для охраны водопроводов, дам и детей.

САМОМУ СЕБЕ

Когда тебе очень скучно
И жизнь давит, как когда-то в теплушках: сундуки, люди, корзинки;
И тяжко дышать,
Как в приемной врача, загаженной больными и запахом иода,
Подумай на миг,
Что вот ты собираешься в далекое странствие,
В страну пальм лазурных и хрустальных дворцов
(Дворцы твои похожи слегка на отели, что ты видел в детстве),
Где есть те люди, которые тебе снятся во сне,
И что теперь, перед отъездом — вещи запакованы —
Ты в последний раз видишь то, что тебя так томило:
Серое небо в дыре двора, серые тротуары и серые лица,
И поверь:
Освещенная оттуда падающим светом
Необычной встанет пред тобой твоя жизнь,
Лучистая, многояркая, как чахлый сад пригородного ресторана,
Внезапно околдованный розовым бенгальским огнем.

Из сборника
« ПУТЕШЕСТВИЯ »

Раисе Блох

Над синей лунной ночью
Обрывки облаков,
В бреду или во-очью
Обрывки снов и слов,

Все что росло и билось
В лад и не в лад судьбе,
Доверчивою силой
Все принесло к тебе.

И все мои страницы
— Послушно каждый лист —
Летят, летят, как птицы,
На тихий кроткий свист.

Они спешат, как птицы,
Сквозь сумрак городской,
Чтоб ласково укрыться
Под доброю рукой.

Сегодня утром сонным
За рыжей чашкой кофе
Я вспомнил почему-то
Про город, где я не был.

И я увидел ясно
Его дома, так ясно,
Что я вошел куда-то
И снял в передней шляпу.

Я посмотрел в окошко.
Я думал: это Лондон,
Где я мечтал ребенком,
Но это не был Лондон.

Гудели автобусы,
И звон носился светлый.
Навстречу, лыс и ласков,
Ко мне хозяин вышел.

Мы говорили долго
О деле, о балансах.
Мне было очень странно,
Что мне понятно это.

Потом раскрылись двери,
И девушка явилась:
Она была невестой
И, кажется, моею.

Смотрел я с умиленьем
На легкий черный локон.
Все шло своим порядком,
Как ежедневный поезд.

Но только я коснулся
Предложенной сигары,
Как с быстрой тонкой болью
Переместились жизни,

И, озираясь робко,
Себя нашел я снова
В сегодня, в утре сонном,
За рыжей чашкой кофе.

Звон улиц под взлетающей мечтой,
Сиянье дружбы в тишине ночной,

И гомон парка, и молчанье гор,
И с книгою некнижный разговор,

Веселость утра, говор птиц в окне
И солнца ромб на розовой стене,

Как рассказать... — все, что прозрачный свет
Струило в жизнь на первом гребне лет,

Все вдруг опять забрезжило, и вот
Опять душа трепещет и поет.

ПАРИЖ ВПЕРВЫЕ

Париж,
И вид из окна отеля впервые на Arc de Triomphe.
О, гигантское П, начинающее священную песню Парижа!
Говорят, что где-то есть Монмартр и дорогие кабаки,
Где пляшут женщины с золочеными животами.
Я не знаю,
Я этих женщин не видел.
Мне строгий свой танец танцовал торжественно город.
От обелиска на Place de la Concorde до ангелов Saint-Sulpice
Тот же светлый искусный балет танцуют дома и люди,
Автомобили, и фонтаны и даже памятники с нелепо вытянутыми вперед руками.
Лувр — это кто-то вздохнул широким дыханьем,
И вздох окаменел и стал огромным двором.
Есть неземная отрада в голубом сиянье Champs-Elysées,
И тени всех великих писателей Франции
Явно наверху над Парижем заседают в небесной академии наук и искусств.
Я знаю: в двадцатом веке не полагается плакать,
Но как не плакать от восторга, когда в дымчатом свете
Воробей взлетает на руку белесой богини в саду,
Или когда над путаницей крыш и мостов, а потом все ближе и ближе,
И вдруг спокойно и четко, как во сне, встает мистический шкаф Notre-Dame?

ОЖИДАНИЕ

И кроткий блеск
И быстрый лепет голубого дня.
Вот жду тебя:
Поет трамвай,
Зеленым пламенем поет каштан,
Белеет майский хоровод домов
Вокруг меня.
Придешь
Иль не придешь, не все ли мне равно?
Ах, так бы ждать,
Всю жизнь прождать, пока струится день,
Пока танцует солнце по стенам
И небо птицей
От полюса до полюса летит!

ШНУРРЕНЛАУНЕНБУРГ

Когда-то в детстве, начитавшись Гофмана и сказок,
Я рисовал красными чернилами, чтоб было покрасивее,
Веселый несуществующий городок Шнурренлауненбург.
Потом прошли года.
Я забыл, я совсем забыл про него,
И сегодня вспомнил снова.
Как ясен он передо мной! Выйду и пойду бродить по его улицам.
Вот дворцовая площадь с домиками из пестрого картона,
С мраморным львом, покрашенным для правдоподобия в желтый цвет.
А вон и церковь: на ее крышу ставят ангелам кружки пива,
Чтоб ночью, охраняя город, они не страдали от жажды.
Говорят, что этот обычай сильно печалит герцога:
Он любит просвещение и считает, что это чушь,
Но еще больше просвещения он любит свою коллекцию фарфора и собачьих хвостов.
А про гофрата говорят совсем странные вещи,
Будто он целый день пьет кофе и беседует с попугаями о смысле жизни,
А по вечерам садится на свой чубук, и улетает... куда?
Шнурренлауненбург!
Пестрый радостный город!
Долго ль я буду блуждать по веселым твоим переулкам,
Спорить с попугаями гофрата и сидеть в кабаке голубого цветка,
Или снова будет, что было раньше:
Серый день, затхлый, как непроветренная комната,
Одиночества тусклый свет?

Я сам себе совсем не верю,
Но птицы подымают гам,
Но ласковые ходят звери
По комнате, как по лугам.

Ученый попугай лениво
Раскрыл огромный книжный шкаф.
Раскланивается учтиво
Неповоротливый жираф.

Павлин расширил веер синий
И застилает потолок.
А день все тот же: легкий иней
Да солнечный прозрачный ток.

Все тот же город различаю
Я в чисто вымытом окне,
И ты мне наливаешь чаю,
Как будто это не во сне.

МЕКСИКА МОЕГО ДЕТСТВА

Мексика моего детства, вижу тебя
С твоими кактусами, пупырчатыми и длинными, как огурцы,
С твоими индейцами, притаившимися за гущами лиан,
С твоими всадниками с головами и без голов,
Со стадами мустангов, постоянно мчащихся по степям.
Помню, и я скакал по твоим степям во сне:
Подо мной убегали широта и долгота
Четкими линиями, как на географических картах.
Враги бросали в меня не то копья, не то цветные карандаши.
Я скакал без передышки, обгоняя всех,
К домику с белыми колоннами, крытому черепицей,
Где ждала меня прекрасная донья Соль
С очень черными волосами и очень красными губами,
Как на тех коробках сигар, что курил мой отец,
Или как на той, что я увидал у тебя, мой друг Виктор,
В тот день, когда мы вели нескончаемый спор.

ГОРОД НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Ваш город, Нина Александровна, веселый город.
Ходят там люди не просто, а вприпрыжку.
От башни к башне протянуты канаты,
И на них пляшут в полдень львы и медведи.
Все в вашем городе пестро и забавно:
Дома раскрашены, как пасхальные яйца,
Аэропланы выводят в небе замысловатые узоры,
Даже ночью кувыркаются люди и звери,
Чтобы ни на минуту не замирала суматоха.
Только иногда на город находят словно тучи,
И на лица пляшущих падают тени,
Точно они все готовы отдать за совсем простое утро
И за немногие, простые, как небо и хлеб, слова.

ПЕСНЯ

Встает над крышей легкий дым,
Идет любимая с другим.

Ночную трепетную тень
Метлою выметает день.

Распалось сонное тепло;
Все ясно, пусто и светло.

— А где-то есть хрустальный дом,
У дома тихий водоем.

Там по дороге без дорог
Стремит свой бег единорог,

Там город птиц и небылиц,
Столица всех земных столиц.

Но там не думают о нас,
Не вспоминают в скорбный час.

О нас не думают нигде,
Мы пламенеем в пустоте.

Розалинда, Розалинда,
Небо в черный плащ оделось,
Фонари зажглись в тумане,
Скучный вечер, скучный день.

Что же лгать себе напрасно?
Я читал и я работал,
И усталость в свете лампы
Мне елей прозрачный льет.

Труд свершен и день окончен,
Завтра новый день начнется,
Но что делать мне с собою,
Розалинда, без тебя?

Можно комнату измерить
Беспокойными шагами,
Можно голову в подушку
Словно плача положить,

Можно ласково и строго
Разговаривать с тоскою,
Объяснять себе словами
То, чего понять нельзя.

Но не выбраться из сонных
Голубых воспоминаний,
Что занозой длинной, тонкой
В душу, в душу мне вошли.

С тех пор как ты ушла,
(Был вечер строг и прост)
Напрасно улиц рой
Звенит в вечерний час,

Напрасно вдоль витрин
Струится дождь мимоз —
Мне некому дарить,
Мне некуда идти.

Что пело, что расло,
Что грело, словно сон,
Что, как по капле бром,
Вливало тишину,

Уплыло не спеша.
Что делать мне с тобой,
О, зябкая душа,
В тумане городском?

Мокрою, редеющей листвой
Снова день об эти окна бьется.
Я не плачу, не ломаю руки,
Про другие вспоминая руки.
Только слух растет неодолимо
С торопливым робким напряженьем,
И сквозь тишь стеклянную несмело
Тонкий звон несется, слабый голос.
Ты поешь над обнищалой жизнью,
Золотая грусть воспоминанья.

Большие радости, где?
Учись наслаждаться малым;
В нем вечность нам, неусталым,
Отражается, как в воде.

— И увидишь в пять часов,
К чаю, сквозь апельсины,
Золотистую пыль Мессины,
Лазурь без берегов.

СЕРЕНАДА

Нет, ни любовь ни дружба, —
И все же мне приятно
Сидеть у вас в гостиной
И с вами говорить.

Глядясь в глаза чужие,
Мне так отрадно, сонно,
Как в ванну, погружаться
В совсем чужую жизнь,

Воображать, что с вами
Мы уж давно знакомы,
Что в том же чинном доме
Воспитывали нас,

И мы в тоске безбольной
Вагонов и курортов
На водах пили воду,
В отелях пили чай,

Осматривали Альпы,
Неаполи и Лувры,
Порой читали Данте,
Порой играли в гольф,

И в легком одуренье
За зыбкою беседой
Поверить на мгновенье,
Что это вправду так,

Что ваш отец мне в детстве
Дарил альбом для марок,
Что я ваш друг давнишний
И, может быть, кузен,

Что нет того, кто бился,
Стихи писал и плакал,
Кому порой грустится,
Не спится по ночам.

Над чернотою ночи
Летит протяжный крик,
И, хочешь иль не хочешь,
Уж он к тебе проник.

От рокота и стона,
От ропота навзрыд
Не заградиться звоном
Нежнейших Пиерид.

Ты будешь слух свой ватой
И счастьем затыкать,
Но крик продолговатый
Услышишь ты опять.

Багровой бурей хлынет
Забытое давно,
И молния раздвинет
Уснувшее окно.

А утром будет странно
В обычный день идти
С холодностью нежданной
В испуганной груди.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Шли недели в муке, в ожиданье.
Ей колени обвивал дракон.
И внезапно выросло страданье
В неумолчный, неустанный стон.

И окрестность глухо задрожала,
И дракон свернулся, словно крот.
Дни и ночи все она кричала,
Широко скривив огромный рот.

Крик врезался в бурые просторы,
Разбивал преграды дальних скал,
И святой надел броню и шпоры
И коня покорно оседлал.

Полетел. А крик все рос, все бился,
И черней и громче с каждым днем,
Бурею грохочущей клубился
Над святым и над его конем.

Доскакал. И смрадного дракона
Поразил молниеносный меч.
И сошло молчанье с небосклона,
Чтобы крик неистовый пресечь.

Но привыкшей к боли и стенанью,
К громовому грохоту кругом,
Было трудно ей войти в молчанье,
Словно узнику в родимый дом.

Все срывается, все сорвется,
(Но, пожалуйста, только не плачь),
Если сердце восторгом бьется,
Если сердце взлетает, как мяч.

Не избавиться от наважденья,
Если юность не прожита.
Будет часто в час пробужденья
Та же горькая пустота,

Но сквозь ложь и боль незабвенно
Тот же будет струиться свет,
Тот же зов, во век неизменный,
Терпеливый, кроткий привет.

Все, что тревожило вдали,
Вверху задерживало взор,
Внезапно различить в себе,
Как в озере отроги гор.

Преображенное волной
Все стало проще и синей,
И откровеньем сходит свет
В лазоревую зыбь теней.

Сияют горы изнутри,
Струятся в голубом огне.
Что было только вышиной,
Теперь причастно глубине.

Бьют часы на дальней башне.
Воробей вскочил на кочку.
Мягкий свет ложится лаской
На волнистую траву.

И скользит с небес прозрачных
Что-то, что прозрачней света,
С той же кроткою любовью
Гладит листья и глаза,

И, как равный, удивленно
Входишь в нежную дуброву,
Где деревья, словно души,
Говорят между собой.

20-XI.194[illegible]

Chers amis

Merci pour les affaires chaudes
J'ai tout reçu. À veille du
départ. J'ignore où je vais,
peut être pas si loin,
d'abord Metz ou environs. Je me
sens parfaitement bien
j'espère vous revoir tous.
Ecrivez Cremer 6, rue Basse
du Chateau Chambéry,
Savoie, pour qu'on publie les
Jacques. Amitiés à tous
Je n'aurai pas froid ainsi,
Merci pour tout. Jusqu'à
présent rien ne nous
trouble. Je pense à
tous avec tendresse et
je veux revenir chez vous
Au revoir

Вот последние дошедшие до нас слова Раисы Блох-Горлиной — записка, выброшенная из поезда, увозившего ее из Drancy на мученическую смерть. Михаил Горлин был депортирован годом раньше, после долгого пребывания в лагере Pithiviers. По слухам он был убит на работе в соляных копях Силезии.

Жесток и горек этот сухой отчет о конце жизни «голубиной пары», как назвал Горлиных друг-поэт, один из тех, для кого эта теплая, напряженная, многогранная жизнь остается близкой и непреходящей, в чьей памяти звучат их живые голоса, уже навсегда молодые.

Голоса двух ученых, неутомимо и широко преданных своим исканиям, недавно вновь прозвучали в книге статей, появлявшихся разрозненно, а теперь собранных стараниями профессора Мазона. Это издание свидетельствует о сердечной действенной дружбе, а также о признании, которое Горлины нашли во Франции — он, как славист и литературовед, она, как специалист средневековья.

Но Раиса Блох и Михаил Горлин были и — до конца, в самых тягостных условиях, среди ужаса, разлуки и смерти — оставались прежде всего, глубже всего, поэтами.

Все написанное Михаилом Горлиным в лагере исчезло бесследно. Но в настоящий сборник удалось

включить неизданные стихи Раисы Блох, сложившиеся уже в одиночестве подпольного существования в неоккупированной Франции, после скоропостижной смерти их шестилетней девочки. Трудно найти более волнующий пример того, как для подлинного поэта даже предельная мука не то что преодолевается, а непреодолимо претворяется в «чистоту и звон».

И не только теперь, «сквозь боль, незабвенно», но и для поэтической чуткости далекого от этой боли читателя, из рано прерванного творчества двух поэтов, таких разных, но спаянных и судьбой и глубочайшей своей сущностью,

« тот же будет струиться свет,
тот же зов, навек неизменный,
терпеливый, кроткий привет ».

РАИСА БЛОХ

Из сборника « МОЙ ГОРОД »

Из сборника « ТИШИНА »

Из сборника « ЗАВЕТЫ »

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

МИХАИЛ ГОРЛИН

MAISON DU LIVRE ÉTRANGER
„ДОМ КНИГИ"
9, RUE de l'ÉPERON, — PARIS - 6e

IMP. BÉRESNIAK - PARIS